

УДК 94(47)“1905–1919”
UDC
DOI: 10.17223/18572685/63/11

Украинская «Чёрная сотня»? Концепция К.К. Федевича как попытка «украинизации» Союза русского народа*

А.А. Чемакин

Санкт-Петербургский государственный университет
Россия, 199034, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9
E-mail: a.chemakin@spbu.ru

Авторское резюме

Историк К.К. Федевич, автор книги «За Веру, Царя и Кобзаря. Малороссийские монархисты и украинское национальное движение (1905–1917 годы)», выдвинул ревизионистскую концепцию, согласно которой малороссийские монархисты и черносотенцы (в первую очередь, Почаевский отдел Союза русского народа) были правым крылом украинского национального движения. Стремясь обосновать свою теорию, Федевич особое внимание уделяет поиску «украинской национальной терминологии» и «украинского дискурса» в черносотенных газетах, подменяя им историко-политический и социально-экономический анализ такого специфического явления, как волынская «Чёрная сотня». Тезис о том, что многие малороссийские черносотенцы после 1917 г. перешли в украинский лагерь, верен, но его обоснование не выдерживает никакой критики. Федевич считает, что причиной этого перехода была «украинская» агитация черносотенцев. Мы же полагаем, что в основе «украинизации» бывших членов Союза русского народа лежало желание крестьян получить землю, и поэтому характеризует малороссийскую «Чёрную сотню» как радикальное крестьянское движение, родственное социальным движениям Средневековья. Кроме того, приводятся материалы, посвящённые участию бывших черносотенцев в украинском движении в годы гражданской войны и погромах 1919 г., а также отмечаются грубые ошибки Федевича. Делается вывод о том, что, несмотря на ряд интересных находок, его концепция носит тенденциозный характер.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-09-00414 «“Богдановцы против мазепинцев”: русское движение Киева в 1917–1919 гг.».

Ключевые слова: Союз русского народа, черносотенцы, украинский национализм, русский национализм, малороссы, русины, русские монархисты, Волынь, погромы.

The Ukrainian “Black Hundred”? K.K. Fedevich’s concept as an attempt to “Ukrainize” the Union of the Russian People*

A.A. Chemakin

St. Petersburg State University
7/9 University Embankment, Saint Petersburg, 199034, Russia
E-mail: a.chemakin@spbu.ru

Abstract

Historian K.K. Fedevich, author of the book *For Faith, Tsar and Kobzar. The Little Russian Monarchists and Ukrainian National Movement (1905–1917)* put forward a revisionist concept whereby the Little Russian monarchists and the black-hundredists (primarily, the Pochaev Division of the Union of the Russian People) were the right wing of the Ukrainian national movement. In an effort to prove his theory, Fedevich focuses on the “Ukrainian national terminology” and “Ukrainian discourse” in the black-hundredists’ newspapers, misrepresenting the historical-political and social-economic analysis of such specific phenomenon as the Volhynian Black Hundred. His thesis that after 1917 many Little Russian black-hundredists joined the Ukrainian camp is correct; however, its substantiation does not stand up to scrutiny. Fedevich thinks that the reason to this transfer was the “Ukrainian” campaign of the Black-Hundred. The author of the article argues that the “Ukrainization” of former members of the Union of the Russian People was based on the desire of peasants to get land, and thus qualifies the Little Russian Black Hundred as a radical peasant movement akin to social movements of the Middle Ages. Furthermore, the article brings forward materials about the participation of the former black-hundredists in the Ukrainian movement during the Civil War and pogroms in 1919 as well as focuses on Fedevich’s glaring errors. The author concludes that in spite of a number of interesting findings, Fedevich’s concept is of tendentious nature.

Keywords: Union of the Russian People, black-hundredists, Ukrainian nationalism, Russian nationalism, Little Russians, Rusins, Russian monarchists, Volhynia, pogroms.

* The research is supported by the RFBR as part of Project Nr. 20-09-00414 “Bogdanovtsy against the Mazepians: The Russian movement of Kiev in 1917–1919”.

Черносотенное движение начала XX в., широко распространившееся в малороссийских губерниях, традиционно рассматривается украинской историографией как нечто чуждое Украине, привнесённое извне. В 2017 г. в Киеве вышла ревизионистская монография московского историка, кандидата исторических наук Климентия Климентьевича Федевича, пожелавшего пересмотреть эту концепцию и утверждающего, что черносотенцы в Малороссии (в первую очередь, на Волыни) были интегральной частью украинского национального движения.

В заглавие монографии вынесены две фамилии, а также указано, что отец К.К. Федевича К.И. Федевич «был постоянным партнёром в обсуждении и обработке текста» [14: 8]. Несмотря на это, очевидно, что основным автором концепции является К.К. Федевич: именно им, начиная с 2011 г., был опубликован ряд текстов на сайтах «Historians.in.ua» и «Zaxid.net», из которых родилась монография. Стоит отметить, что в его книге содержится целый ряд ошибок (например, автор почему-то относит депутата П.Ф. Мерция к черносотенцам, путает разные думские фракции, приводит сомнительную информацию относительно одного из черносотенных изданий, хотя проверить её, живя в Москве, не составляет никакого труда [13: 120–122, 271]), но т. к. нашей целью является не рецензирование указанного труда, а полемика с ним, мы не будем останавливаться на этих частных сюжетах, а сразу же перейдём к фундаментальным вопросам.

Концепция К.К. Федевича представляет собой оригинальную попытку, с одной стороны, «реабилитации» Союза русского народа (СРН), с другой – его украинизации. Основное внимание автор уделяет Почаевскому отделу СРН, возглавлявшемуся архиепископом Антонием (Храповицким) и архимандритом Виталием (Максименко) и являвшемуся одной из крупнейших черносотенных организаций Российской империи. По мнению Федевича, волынские (и другие малороссийские) монархисты были правым крылом украинского движения, которое не ограничивалось лишь социалистами и либералами.

Он убеждает читателя, что у представителей духовенства православной церкви, стоявших во главе черносотенного движения, «доминировала концепция русской триединой нации, которая была аналогом восточного славянства и предполагала существование отдельных народов “великороссов”, “белорусов” и “малороссов”» [13: 13]. Это утверждение подкрепляется крайне сомнительными аргументами, например напечатанной в «Почаевских известиях» иллюстрированной таблицей, «где вместе с представителями славянских народов – поляком, чехом, белорусом и великороссом – на первом месте был “малоросс” в украинских одеждах» [13: 87–88]. Действительно, такая

таблица с изображениями этнографических типов была напечатана (рис. 1), но Федевич почему-то забывает сказать, что в ней, кроме вышеперечисленных, присутствовал и «русин» в своём костюме [11]. Очевидно, что в данном случае об «украинцах» в том понимании, какое было свойственно представителям украинского лагеря, речь не идёт. К тому же в каждом номере «Почаевских известий» на первой полосе публиковалось обращение, в котором русский народ упоминался наравне с галичанами, словаками и хорватами (рис. 2). В других случаях галичане обозначаются как русские или малороссы. В большинстве же материалов черносотенных газет речь обычно шла о едином русском народе, в который входят представители нескольких этнографических групп (великороссы, малороссы, белорусы, иногда к ним добавлялись русины / червонороссы / галичане и казаки). Вырывая цитаты из контекста и жонглируя терминами «малоросс», «украинец», «русский», «великоросс», Федевич представляет дело так, что концепция «триединого русского народа» предполагала существование отдельного украинского народа. А отсюда уже недалеко до того, чтобы представить участников СРН, разделявших идею русского «триединства», частью украинского движения.

В качестве основных доказательств «украинскости» СРН он приводит следующие тезисы: 1) черносотенцы (в первую очередь, почаевские) активно использовали «украинский» язык и образы «украинской» народной культуры в агитации; 2) уважительно относились к Тарасу Шевченко и печатали его портрет и стихи в своих газетах; 3) активно пользовались терминами «Украина», «украинцы» и «украинский»; 4) пропаган-

Рис. 1. Славянские народы. Рисунок из газеты «Почаевские известия» (1909. № 714. С. 2).

дировали среди «этнических украинцев» «украинскую» историю; 5) выступали за территориальную автономию «украинских» земель; 6) способствовали осознанию «украинцами» своих национальных интересов посредством борьбы за улучшение экономических позиций, развитие кооперативного движения, территориального самоуправления, самоорганизации. В итоге он делает вывод, что про СРН «в Украине можно оправданно говорить как про монархический, имперский, панславистский и консервативно-христианский вариант украинского национального движения» [13: 50].

Методика Федевича для получения нужных ему выводов предельно проста: он берёт какие-то термины или образы («Украина», «украинец», «малоросс», «козак»), маркирует их как специфически «украинские», как исключительную собственность украинского движения, а затем всех, кто этими терминами или образами пользуется, относит к украинскому лагерю, хотя из черносотенной прессы совершенно ясно, что СРН, признавая этнографические различия между великороссами и малороссами и лояльно относясь к региональным говорам, никогда

не признавал существования отдельной украинской нации (а именно это, на наш взгляд, и должно быть признаком принадлежности к украинскому движению).

Автор, кажется, совершенно не понимает, что представлял из себя дореволюционный русский национализм. Всё то, что не сводится к лаптям и косоворотке и несёт на себе какой-то отпечаток Малороссии, трактуется им как нечто национально украинское. Так, например, почитание «почаевцами» памяти казаков, погибших под Берестечком в 1651 г., интерпретируется как пропаганда «украинской» истории, хотя русские националисты считали этот эпизод частью «русской» истории, и СРН, страивая мемориал, исходил

Рис. 2. Первая полоса газеты «Почаевские известия» (1909. № 716).

явно из «общерусского» видения этого эпизода. По сути, Федевич сводит русский национализм к «великорусской» этнографии, а любое проявление «малорусской» этнографии трактует как украинский национализм; при этом он отказывает «малороссам» в праве быть русскими националистами, считая, что их нахождение в «русском» лагере – это просто проявление традиционной монархической лояльности. Представление о двух национальных проектах, существующих на одном и том же этнографическом материале, ему совершенно чуждо. Само собой, представители украинского и русского лагерей могли иметь тождественные мнения по ряду вопросов, могли даже быть родственниками или друзьями в частной жизни. Но их принципиально разделял взгляд на будущее своего народа: должен ли он быть специфической частью «русской» нации или должен стать совершенно отдельной «украинской» нацией? Федевичу принципиально чуждо чувство историзма, когда он постоянно говорит об «этнических украинцах» применительно к жителям Волыни начала XX в., не догадывавшихся, что они «украинцы». Впрочем, они и «русскими» числились сугубо формально – тогда их национальное будущее ещё не было определено. К сожалению, для обозначения населения юго-западных губерний Российской империи нет какого-то нейтрального термина, т. к. оба традиционных – и «украинец», и «малоросс» – излишне политизированы и выдают «партийные» симпатии автора, в отличие от Галичины, применительно к которой возможно говорить о русинах (рутенах) как этнографической общности, за которую боролись представители трёх национальных партий – «украинской», «русской» и «польской».

В изданиях СРН можно найти условную «украинскую» терминологию, использовавшуюся преимущественно в историческом контексте, можно встретить и стихи Тараса Шевченко, вполне подходившие для антиеврейской и антипольской пропаганды. Кажется, Федевич привёл в своих работах абсолютно все «украинские» материалы из волынских правых газет, которые можно хоть как-то притянуть к его концепции. Но ведь это совершенно незначительная часть всей той агитационной продукции, которая издавалась СРН! Напротив, в черносотенной прессе публиковались статьи об опасности «украинского мазепинства» и даже о том, что слова «Украина» и «украинец» происходят «по крестьянской этимологии от слова "красти" – воровати» [4]. Весьма примечателен рисунок, на котором карикатурный представитель «украинцев», сидящий на «малорусской» ветке единого «русского» ствола, пытается отпилить её. Подпись под карикатурой гласит: «Довольно, Каин, оставь свою работу: Русь нераздельна» [7]. В другой статье читателям объясня-

лось, что «под невинным названием украинцев скрываются враги русской национальности и русского государства» [10]. Примеров условного «русского национального дискурса» и резкого неприятия украинского движения в изданиях Почаевского СРН гораздо больше, чем «украинской терминологии».

Конечно, нельзя отрицать, что своеобразный «украинофильский» (а точнее, «малорусский») уклон в деятельности Почаевского отдела СРН имел место. Но всё же от интереса к краеведению, к региональным традициям, к местным говорам и истории, никак не противоречившего идеям дореволюционного русского национализма, чрезвычайно далеко до идеи о необходимости создания отдельной украинской нации. Показательно, что в 1918 г. «украинофил» Виталий (Максименко) не только не примкнул к украинскому движению, но и вошел в совет киевского Союза «Наша Родина», созданного русскими националистами и монархистами [20]. То же самое можно сказать и про Антония (Храповицкого), и про Евлогия (Георгиевского), и про многих других видных церковных деятелей, оставшихся на русских позициях (хотя

они, как и большинство русских крайне правых, вполне лояльно отнеслись к гетману П.П. Скоропадскому). Федевич отмечает (рис. 3), что священник М.А. Тучемский, видный член СРН и основатель Острожского музея-заповедника, использовал в своей брошюре термины «Днепровская Украина», «Киевская Украина», «Брацлавская Украина», ссылаясь на «Историю Украины-Руси» М.С. Грушевского, писал про «самобытную малорусскую народность» [13: 136, 166]. На основании всего этого он делает вывод, что Тучемский «был близким к украинским идеям» [13: 273]. Но Федевич, очевидно, не в курсе, что в январе 1918 г., уже после провозглашения УНР, Тучемский шёл на выборы не от какой-то украинской партии, а от русских националистов – по

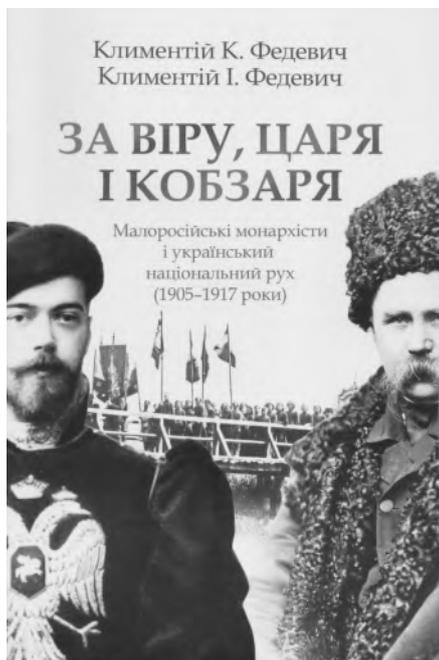

Рис. 3. Книга К.К. Федевича, в которой были опубликованы основные положения его концепции [13].

списку «От православных приходов и хлеборобов», первым номером которого являлся В.В. Шульгин [12].

Чрезвычайно интересно то, что Федевич выделяет в отдельную категорию такие правые организации, как Киевский клуб русских националистов (ККРН) и общество «Двуглавый орел». По его мнению, они «пропагандировали среди украинцев» *«русський етнічний націоналізм»* [14: 13], отличавшийся от идеи «триединого русского народа». Что это за зверь такой – «русский этнический национализм» – не объясняется. В одном месте говорится, что *«русська етнічна нація»* или *«імперська русська етнічна нація»* должна была состоять «из всех восточных славян на русских, белорусских и украинских этнических землях» [13: 48]. Чем это отличается от идеи «треединого русского народа», понять совершенно невозможно. В другом месте речь идёт о том, что не было возможности «эффективно пропагандировать идеи русского этнического национализма» из-за того, что «в Украине просто не было критичной массы этнически русского населения, которое могло бы органично русифицировать десятки миллионов украинцев» [13: 44]. Тут речь как будто бы идёт про неких – в реальности не существовавших – «великорусских националистах», которые хотели превратить малоросса в великоросса, видимо, заставив его носить вместо вышиванки косоворотку. Если же под «русификацией» подразумевается отстаивание лидирующего положения русского литературного языка (а не великорусского наречия), то чем их взгляды отличаются от тех же «почаевцев», 99 % изданий которых также выходили на русском литературном языке?

Были ли вообще принципиальные различия в понимании «русской нации» и отношении к местным «малорусским» особенностям между «украинскими» черносотенцами на Волыни и киевскими «русскими этническими националистами»? Приведём несколько примеров. В 1917 г. на базе газеты «Киевлянин» и ККРН был создан Внепартийный блок русских избирателей (ВБРИ) во главе с В.В. Шульгиным и А.И. Савенко, во время выборов в Киевскую городскую думу не только напечатавший листовку на «украинском» языке, но и запустивший по Киеву агитационный автомобиль с «украинской декорацией», что вызвало возмущение представителей украинского лагеря [1]. Как заявлял на одном из предвыборных мероприятий ВБРИ профессор Г.В. Демченко, «правая часть украинцев или малороссов примыкает и отчасти даже входит в состав русского внепартийного блока. Сюда пошли и идут все те украинцы (монархисты или республиканцы – безразлично), которые считают себя русскими, любят Украину, но и всю Россию признают своей родиной...» [5]. Сам Шульгин порой мог использовать термин «украинец» в положительном значении: «Когда

каждый обыватель Киевщины, Полтавщины и Черниговщины на вопрос, какой ты национальности, будет отвечать: "Я – дважды русский, потому что я украинец", – тогда за судьбу "Матушки-Руси" можно не бояться» [16]. Подобных примеров можно привести великое множество. Стоит ли на их основании делать вывод, что В.В. Шульгин (наверное, самый яркий пример «украинофоба») и его сторонники были правым крылом украинского национального движения? Данное утверждение звучит совершенно безумно. Но именно на таких примерах использования «украинской терминологии» и «украинского дискурса» в черносотенной прессе и попытках представить локальную «малорусскую» версию русского национализма в качестве сознательного следования украинской национальной идее и построена вся концепция господина Федевича. Если и дальше следовать этой странной логике, то можно утверждать, что важнейшую роль в развитии «украинского национального дискурса» играли не только черносотенцы, но и Русская императорская армия, раз в ней существовали, к примеру, 47-й пехотный украинский полк и 15-й гусарский украинский полк – ведь эти наименования пропагандировали в среде «этнических украинцев» «украинскую национальную терминологию»!

Но Шульгина и его группу Федевич к украинскому движению не относит. Напротив, они, согласно авторской концепции, должны быть отнесены к «русификаторам». Но где же эти глубинные идейные различия между лидерами волынских черносотенцев и киевской группой Шульгина, кстати, избравшегося в Государственную Думу как раз при поддержке «почаевцев»? Агитация в городе и агитация на селе, несомненно, имели свои особенности, но основные идейные установки что у киевских русских националистов, что у лидеров волынских черносотенцев были совершенно одинаковы.

Впрочем, кое-какие отличия между ними действительно имелись, но не в национальном вопросе, а в социальном. Волынские, подольские и киевские крестьяне верили, что, вступая в СРН, они получают землю, не будут платить подати, могут не подчиняться властям, т. к. у них есть своё «союзное» начальство. При этом в идеологию организации они особо не вникали, да и сами лидеры движения ради сиюминутной популярности подстраивались под чаяния своей паствы. По сути, Почаевский СРН играл роль своеобразного профсоюза, способствовавшего самоорганизации православного населения. Зачастую деятельность «Чёрной сотни» не только не способствовала укреплению русской государственной власти, но и приводила к обратным результатам, способствуя росту крестьянских волнений и выступлений [9: 66–67].

Стоит признать, что проповеди почаевских священников не сыграли большой роли в просвещении волынских крестьян в национально

русском духе, т. к. значительная часть потенциальной аудитории была неграмотна [9: 37]. Очевидно, что взгляды лидеров черносотенного движения в массы проникали слабо, и относить к русскому национальному движению тех же волыньских крестьян, вступивших в СРН не из-за осознания своей «русскости» и монархических чувств, а из-за желания получить практическую выгоду, можно лишь сугубо формально (в отличие от более «сознательных» националистов-горожан).

Для понимания феномена Почаевского СРН чрезвычайно важны события, произошедшие после революции, но они освещены Федевичем весьма поверхностно. Правда, он выдвигает гипотезу, согласно которой успех украинского движения после 1917 г. подготовили именно черносотенцы своей «проукраинской» деятельностью. Из его трудов создаётся такая картина: крестьяне начитались черносотенных газет, в которых печатались стихи Т.Г. Шевченко и использовалась «украинская национальная терминология», и внезапно осознали, что они «украинцы», после чего присоединились к украинскому движению. На наш взгляд, эта версия совершенно фантастична, и максимум, с чем можно согласиться, так это с тем, что волыньские черносотенцы невольно помогли украинскому движению, организуя крестьян и пробуждая их социально-политическую активность.

Тезис Федевича о том, что часть активистов черносотенного движения после 1917 г. присоединилась к украинскому движению, в принципе верен, но он не приводит никаких подтверждений этого, за исключением биографий нескольких священников. На самом деле переход значительной части бывших черносотенцев в украинский лагерь можно доказать, обратившись к материалам выборов в Учредительное собрание. В Волынской губернии за список Комитета православных и единоверческих приходов, созданный представителями русских церковных и правых кругов и возглавлявшийся архиепископом Евлогием (Георгиевским) и В.В. Шульгиным, проголосовало 5 044 чел. (0,64 %) [3: 75], причём, что важно, значительная часть этих голосов приходилась на Житомир и другие города – т. е., очевидно, на мещан, купцов, ремесленников, интеллигенцию, – в то время как волыньское село, ещё пять-шесть лет назад покрытое многочисленными организациями Почаевского отдела СРН, поддержало украинский список.

Можно взглянуть и на статистику в разрезе отдельных сел. В качестве примера возьмём Вышевичскую волость Радомысльского уезда Киевской губернии (ныне в составе Житомирской области). В таблице в первом столбце указано название населенного пункта, во втором – численность местного отдела СРН по состоянию на начало 1910-х гг. [6: 960–961]. В третьем, четвертом и пятом – голоса за

списки № 1 (Блок украинской партии социалистов-революционеров, Украинской селянской спилки и Украинской социал-демократической рабочей партии; лидер – М.С. Грушевский), № 8 (Внепартийный блок русских избирателей; лидер – В.В. Шульгин) и № 16 (Сельскохозяйственная и торгово-промышленная группа; один из лидеров – будущий гетман П.П. Скоропадский) [14: 102].

Название населённого пункта	Численность отдела СРН	Голоса за список № 1	Голоса за список № 8	Голоса за список № 16
Веприн	270	452 (98,3 %)	5 (1,09 %)	0
Вышевичи	150	589 (96,2 %)	11 (1,8 %)	0
Красноборка	47	228 (99,1 %)	0	0
Меделевка	77	375 (100 %)	0	0
Межиречка	75	596 (97,4 %)	5 (0,82 %)	0
Федоровка	115	605 (98,5 %)	0	0
Чудин	92	200 (98,5 %)	0	0

Очевидно, лишь малая часть бывших союзников осталась на позициях русского национализма. Возможно, среди них были местные священники, а также более или менее образованные люди, вполне сознательно исповедовавшие свои «русские» убеждения. Остальная же часть черносотенной «массовки» отдала свои голоса левому украинскому списку № 1, а список № 16, созданный «хлеборобами-собственниками», будущей опорой гетманского режима, и отдельными представителями русских и украинских консервативных кругов, с треском провалился (см. таблицу). Казалось бы, есть список одновременно и консервативный, и украинский, одним из лидеров его являлся атаман вольного казачества Скоропадский, но бывшие союзники голосуют не за него, а за эсеров и эсдеков. Эти данные полностью опровергают концепцию Федевича о «Чёрной сотне» как о правом крыле украинского движения. Те немногочисленные черносотенцы, которые сознательно разделяли консервативные ценности, остались на «русских» позициях, а крестьяне, перешедшие в украинский лагерь, очевидно, никогда и не были правыми и консерваторами, их взгляды вообще невозможно соотносить с модерными политическими идеологиями.

Насколько известно, никто из селян, состоявших в СРН, не оставил воспоминаний, что является серьёзной проблемой для исследователей. Но всё же есть некоторые данные, свидетельствующие о наличии в армии УНР монархистов, а также ярко иллюстрирующие уровень

политической сознательности крестьянства. Так, например, сын петлюровского офицера Г.Т. Корниенко во время интервью для комиссии Конгресса США вспоминал, что его отец был «страшным монархистом», но во время гражданской войны оказался в армии УНР [2: 542–544]. Киевские русские националисты, согласные с тем, что в петлюровской армии полно бывших черносотенцев, считали, что главной причиной этого удивительного, на первый взгляд, явления был земельный вопрос. Подобное объяснение выглядит намного более адекватно, чем концепция Федевича о «проукраинской» деятельности СРН. Председатель ККРН А.И. Савенко отмечал, что «в эпоху послереволюционного движения 1905–1906 г.г., когда крайние правые демагоги по инициативе почаевского архимандрита Виталия стали обрабатывать мотив о земле, то в Союз русского народа повалили на Волыни сотни тысяч крестьян-малороссов – единственно потому, что этим путем они надеялись получить землю. Теперь бывшие крайние монархисты в погоне за землёй повалили в банды к Петлюре» [19]. Ещё резче об этом феномене высказался В.В. Шульгин, бывший почётный председатель одного из сельских отделов СРН. В одной из статей он напоминал о том, что за несколько лет до революции вся Волянь записалась в СРН, надеясь при его помощи получить землю, теперь же волынские «хохлы», услышав, что землю получают только украинцы, решили присоединиться к ним, хотя об Украине ранее в Воынской губернии никогда и не слышали. Шульгин иронизировал: если объявить о том, что все китайцы получают по 25 десятин на душу, то крестьяне, почесав затылки, заявят: «Хочь мы китайцами зроду не були, але ж як начальство требуе, щоб мы були китайцами, то мусимо бути... *Бо земля наша!*» [15]. Е.Г. Шульгина, жена В.В. Шульгина, летом 1917 г. побывала в своём имении Курганы на Воыни. Ранее местные крестьяне, надеясь получить землю, вступали в СРН, теперь же примкнули к украинскому лагерю. Они говорили Шульгиной, что «Украина» – «це така наша спілка» (союз), в которую если запишешься, то получишь землю здесь, а если не запишешься, то земли не дадут и придется куда-то выселяться. «Так что "Украина" и "Союз русского народа" воспринимались ими в одной плоскости», – делала вывод Шульгина [17: 63].

Ещё одной важной темой, связанной с черносотенным движением в Воынской, Подольской и Киевской губерниях, является тема погромов 1919 г. Федевич не был первым, кто обратился к теме связи между «Чёрной сотней» и украинским движением, получившей широкое распространение уже в ходе гражданской войны именно в связи с массовыми еврейскими погромами, совершёнными армией УНР. Одной из ключевых причин погромов как для современников, так и для украинских историков виделось проникновение черносо-

тенных элементов в войска Директории. Американские еврейские организации, опиравшиеся на материалы членов Еврейского национального собрания, прибывших с Украины, сообщали о том, что главными виновниками погромов были войска Петлюры и Григорьева, «чи офицеры зачастую принадлежат к Чёрной сотне» [18]. Конечно, часто слово «черносотенец» использовалось просто как ругательство и не обозначало обязательной принадлежности к монархическим организациям. Но на Волыни до революции украинского движения практически не было, поэтому армия УНР в любом случае была вынуждена черпать резервы из среды бывших членов СРН. В этом плане действительно интересным выглядит обнаружение Федевичем того факта, что в мероприятиях «почаевцев» принимал участие и будущий генерал-хорунжий армии УНР, один из лидеров Украинской партии социалистов-самостийников В.П. Оскилко [13: 275–276]. И, очевидно, это не единичный случай.

А.Д. Марголин, заместитель министра иностранных дел УНР и одновременно видный деятель еврейского движения, старался переложить хотя бы часть вины за произошедшую бойню на «провокаторов из российского черносотенного лагеря, погромщиков по убеждению, желающих одновременно скомпрометировать погромами украинское движение» [8: 311]. По его мнению, Директории было необходимо сформировать мощную армию для борьбы за независимость, и именно по этой причине не было никаких ограничений в отношении новобранцев. В результате в рядах армии УНР вместе с «настоящими, прекрасными украинскими патриотами» оказалось «немало элементов из самых нежелательных черносотенных типов» [21: 139]. Примерно в том же ключе высказываются и представители современной украинской историографии: например С.Н. Плохий, по мнению которого причиной погромов на правобережной Украине, «бастионе русского национализма перед войной», были «приверженцы малорусской идеи и активисты русских националистических организаций, для которых антисемитизм был ключевым идеологическим фактором» [22: 224].

Таким образом, украинская историография проблемы сводится к стремлению хотя бы частично переложить вину за погромы 1919 г. с петлюровцев на черносотенцев. Федевич же, стремящийся не только «украинизировать» черносотенцев, но и реабилитировать их, тему погромов просто-напросто обходит стороной, ведь если считать, что члены СРН – это правое крыло украинского движения, то и ответственность за события 1919 г. всецело ложится на него.

Что же представляла из себя волынская «Чёрная сотня»? На наш взгляд, бурная деятельность Почаевского СРН не смогла дать

того эффекта, который потенциально могли бы дать урбанизация и развитие новых путей сообщения, а «Почаевские известия» и проповеди с амвона не смогли заменить массовую русскую школу. Рядовой волынский «союзник» – неграмотный, но осознающий, что его экономическими конкурентами являются евреи, поляки и вообще «горожане», имеющий смутное представление об истории своего региона, – с лёгкостью перешёл в украинский лагерь, который эксплуатировал практически те же исторические образы, но при этом не ограничивался пустопорожними радикальными разговорами, как почаевские монахи, а давал реальную возможность с оружием в руках расквитаться с былыми «обидчиками» – «жидами», «ляхами», «панами», «буржуями».

До 1917 г. российские власти старались держать деятельность «почаевцев» под своим контролем, да и сами вожди движения ограничивались только антиеврейской и антипольской риторикой и не стремились переходить к радикальным действиям. После падения монархии и начала гражданской войны вся энергия крестьянских масс, оставшихся без контроля со стороны церкви и гражданских властей и настроенных, по сути, анархически, вылилась в бунт, «атаманщину» и еврейские погромы, но теперь уже под «жовто-блакитными» флагами. Не снимая вины за произошедшие погромы с черносотенных агитаторов, стоит отметить, что и руководство УНР на рубеже 1918–1919 гг. не отличалось особой разборчивостью в средствах, с готовностью принимая в свои ряды любые банды, состоявшие в т. ч. и из бывших черносотенцев, и при этом не имея реальной возможности (а знередко и желая) остановить творимые ими безобразия.

Но основную роль в произошедшем всё же сыграли не русские или украинские националисты, а специфические социально-экономические и этнополитические условия Волыни и соседних регионов, складывавшиеся там на протяжении нескольких столетий и проявившиеся вновь 25 лет спустя, во время Волынской резни. В этом смысле нам представляется наиболее верным рассматривать «почаевцев» не как проявление русского или украинского национализма, а как радикальное крестьянское движение, родственное европейским социальным движениям Средневековья, часто принимавшим религиозную форму. Точно так же и широкие массы жителей Волыни, Подолии, Киевщины лишь мимикрировали сначала под русский национализм консервативно-монархического толка, а затем под социалистическо-республиканский украинский национализм. Суть этого движения была не в «русскости» или «украинскости», а в социальной (и, как следствие, даже не «национальной», а скорее «этнической») ненависти местного неграмотного крестьянина (русского, малорусского или украинского

– называйте как угодно) к польскому пану, еврею-арендатору, горожанину-«буржую», которая могла принимать совершенно любые формы. К тому же массовое движение 1918–1919 г. лишь с долей условности можно считать «украинским», как и в прежние годы это же самое движение – «русским».

Подводя итоги, можно сказать, что концепция К.К. Федевича носит во многом тенденциозный характер. Ошибочная методология и идейная заданность её автора, стремление подогнать факты под гипотезу о «Чёрной сотне» как о правом крыле украинского движения привели к тому, что всё исследование свелось к выискиванию в произвольно отобранном корпусе периодических изданий тех статей и терминов, которые можно охарактеризовать как «украинские». Поиск «украинской терминологии» настолько увлёк Федевича, что рассмотрение важнейших для понимания феномена волынского СРН социально-экономических вопросов отошло на второй план. Из его работ мы ничего не узнаём про то, кому и в каких пропорциях принадлежала земля в изучаемых регионах, какие социальные и этнические группы играли ключевую роль в той или иной экономической нише, каков был уровень грамотности населения, было ли влияние вышеперечисленных факторов на черносотенное движение в том или ином уезде, и т. д. Всё это для него второстепенно – важно лишь использование «нужных» слов и образов в прессе.

В итоге изучение действительно интересной, нестандартной и перспективной темы не дало тех результатов, которых можно было бы ожидать. Вывод о черносотенцах как о правом крыле украинского движения является совершенно несостоятельным, хотя несомненен тот факт, что многие представители социальных низов, участвовавшие в деятельности СРН, после падения монархии перешли в украинский лагерь. Но ключевым в этой «смене национальности», на наш взгляд, был всё же социальный фактор, желание получить землю и расправиться с экономическими конкурентами, а не то, сколько раз слово «Украина» было употреблено на страницах черносотенных газет.

ЛИТЕРАТУРА

1. Авдієнко М. Виборча кампанія у Києві // Робітнича газета. 1917. 26 липня. № 94. С. 2–3.
2. Великий голод в Україні 1932–1933 років. Т. I. Свідчення очевидців для Комісії Конгресу США / Наук. ред. С.В. Кульчицкий. Київ: Видавничий дім «Києво-Могилянська академія», 2008. 838 с.
3. Всероссийское Учредительное собрание: Энциклопедия / Авт.-сост.

Л.Г. Протасов. М.: Политическая энциклопедия, 2014. 555 с.

4. *Галичанин*. Опасность украинского мазепинства // Волынская земля. 1913. 23 нояб. № 240. С. 2.

5. *Демченко Г.* Что день грядущий нам готовит? // Киевлянин. 1917. 23 дек. № 282. С. 1.

6. *Кальченко Т.В.* Монархическое движение в Киеве и на территории Киевской губернии (1904–1919). Историческая энциклопедия. Киев: Ин-терконтиненталь-Украина, 2014. 976 с.

7. Конец мазепинству! // Почаевский листок. 1915. 15 апр. № 15. С. 1, 3.

8. *Марголин А.* Украина и политика Антанты (Записки еврея и гражданина). Берлин: Издательство С. Ефрон, 1922. 397 с.

9. *Омельяничук И.В.* Черносотенное движение на территории Украины (1904–1914 гг.). Киев: Национальный институт украинско-российских отношений, 2000. 168 с.

10. *Северянин*. Украинономанский бред // Волынская земля. 1912. 22 мая. № 39. С. 2.

11. Славянские народы // Почаевские известия. 1909. 17 марта. № 714. С. 2.

12. Список № 7 «От православных приходов и хлеборобов» // Киевлянин. 1917. 22 декабря. № 281. С. 3.

13. *Федевич К.К., Федевич К.И.* За Віру, Царя і Кобзаря. Малоросійські монархісти і український національний рух (1905–1917 роки). Київ: Критика, 2017. 308 с.

14. Центральний державний архів вищих органів влади та управління України (ЦДАВО України). Ф. 1175. Оп. 1. Спр. 1. Радомишльська виборча комісія по виборах до Всеросійських Установчих зборів.

15. *Шульгин В.* Земля // Киевлянин. 1919. 24 сент. № 28. С. 1.

16. *Шульгина В.* «Матушка-Русь» // Возрождение. 1927. 18 февр. № 626. С. 3.

17. *Шульгина Е.Г.* Конспект моих политических переживаний (1903–1922). М.: Фонд «Связь Эпох», 2019. 672 с.

18. Foreign News // The Reform Advocate. 1919. 18th October. № 11. P. 260.

19. Hoover Institution Archives (HIA). P.N. Vrangal Collection. Box 40. Folder 20. Сообщение «Аза» из Киева от 21 декабря 1918 г.

20. HIA. P.N. Vrangal Collection. Box 41. Folder 5. Отчет о состоянии правых и монархических организаций в Киеве.

21. *Margolin A.D.* The Jews of Eastern Europe. New York: Thomas Seltzer, 1926. 292 p.

22. *Plokhy S.* The gates of Europe: a history of Ukraine. New York: Basic Books, 2015. 460 p.

REFERENCES

1. Avdijenko, M. (1917) Viborcha kampaniya u Kiivi. *Robitnicha gazeta*. 26th July. pp. 2–3.

2. Kulchitsky, S.V. (ed.) (2008) *Velikiy golod v Ukraïni 1932–1933 rokiv* [The Great Famine in Ukraine in 1932–1933]. Vol. I. Kyiv: Kievo-Mogilyans'ka akademiya.

3. Protasov, L.G. (2014) *Vserossiyskoe Uchreditel'noe sobranie: Entsiklopediya* [All-Russian Constituent Assembly: An Encyclopedia]. Moscow: Politicheskaya entsiklopediya.
4. Galichanin. (1913) *Opasnost' ukrainskogo mazepinstva* [The danger of Ukrainian Mazepism]. *Volynskaya zemlya*. 23rd November. p. 2.
5. Demchenko, G. (1917) *Chto den' gryadushchiy nam gotovit?* [What does next day have in store for us?] *Kievlyanin*. 23rd December. p. 1.
6. Kalchenko, T.V. (2014) *Istoricheskaya entsiklopediya* [Historical Encyclopedia]. Kyiv: Interkontinental'-Ukraina.
7. *Pochaevskiy listok*. (1915) *Konets mazepinstvu!* [The end to the Mazepism!]. 15th April. pp. 1, 3.
8. Margolin, A. (1922) *Ukraina i politika Antanty (Zapiski evreya i grazhdanina)* [Ukraine and the Politics of the Entente (Notes of a Jew and a Citizen)]. Berlin: S. Efron.
9. Omelyanchuk, I.V. (2000) *Chernosotennoe dvizhenie na territorii Ukrainy (1904–1914 gg.)* [The Black Hundred movement in Ukraine (1904–1914)]. Kyiv: National Institute of Ukrainian-Russian Relations.
10. Severyanin. (1912) *Ukrainomanskiy bred* [Ukrainoman drivel]. *Volynskaya zemlya*. 22nd May. p. 2.
11. *Pochaevskie izvestiya*. (1909) *Slavyanskije narody* [Slavic peoples]. 17th March. pp. 2.
12. *Kievlyanin*. (1917) *Spisok Nr. 7 "Ot pravoslavnykh prikhodov i khleborobov"* [List Nr. 7 "From orthodox parishes and grain growers"]. 22nd December. pp. 3.
13. Fedevich, K.K. & Fedevich, K.I. (2017) *Za Viru, Tsarya i Kobzarya. Malorosiy'ski monarkhisti i ukrains'kiy natsional'niy rukh (1905–1917 roki)* [For Faith, Tsar and Kobzar. The Little Russian Monarchists and Ukrainian National Movement (1905–1917)]. Kyiv: Kritika.
14. The Central State Archives of Supreme Bodies of Power and Government of Ukraine (TsDAVO Ukraini). Fund 1175. List 1. File 1. Radomyshl Electoral Commission for the elections to the All-Russian Constituent Assembly.
15. Shulgin, V. (1919) *Zemlya* [Land]. *Kievlyanin*. 24th September. p. 1.
16. Shulgin, V. (1927) "Matushka-Rus'" ["Mother Rus'"]. *Vozrozhdenie*. 18th February. p. 3.
17. Shulgina, E.G. (2019) *Konspekt moikh politicheskikh perezhivaniy (1903–1922)* [Summary of my political experiences (1903–1922)]. Moscow: Fond "Svyaz' Epokh".
18. *The Reform Advocate*. (1919) *Foreign News*. 18th October. Nr. 11. p. 260.
19. Hoover Institution Archives (HIA). (1918) P.N. Vrangal Collection. Box 40. Folder 20. Message by "Az" from Kiev, 21st December 1918.
20. Hoover Institution Archives (HIA). P.N. Vrangal Collection. Box 41. Folder 5. Report on the condition of right-wing and monarchist organizations in Kiev.
21. Margolin, A.D. (1926) *The Jews of Eastern Europe*. New York: Thomas Seltzer.
22. Plokhyy, S. (2015) *The gates of Europe: a history of Ukraine*. New York: Basic Books.

Чемакин Антон Александрович – кандидат исторических наук, старший преподаватель Института истории Санкт-Петербургского государственного университета (Россия).

Anton A. Chemakin – Saint Petersburg State University (Russia).

E-mail: a.chemakin@spbu.ru